

ДЕТИ ИРЕНЬ

Драматическая история женщины,
спасшей 2500 детей из варшавского гетто

ТИЛАР МАЦЦЕО

Тилар Маццео
Дети Ирены. Драматическая
история женщины,
спасшей 2500 детей
из варшавского гетто
Серия «Феникс. Истории
СИЛЬНЫХ ДУХОМ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24183688

*Дети Ирены. Драматическая история женщины, спасшей 2500 детей
из варшавского гетто / Тилар Маццео ; [перевод с английского Д. В.*

Шлятина].: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-110665-2

Аннотация

Ирена Сендлер – национальная героиня Польши, которую сравнивали с Оскаром Шиндлером и номинировали на Нобелевскую премию мира. Во время Второй мировой войны Ирена спасла от Холокоста 2500 еврейских детей, хотя каждая операция несла для нее и ее близких смертельную опасность.

Эта книга рассказывает историю Ирены: как миниатюрная женщина тайно выстроила целую сеть по спасению детей, вместе

с соратниками выводила детей из гетто по канализационным трубам, прятала под пальто и в гробах, проскальзывала через потайные ходы в заброшенных зданиях. Ирена стала одной из ключевых фигур Сопротивления, которое сумело вырвать ее из застенков гестапо, и беспримерным символом мужества для всех женщин.

Содержание

Предисловие	7
Пролог	14
Глава первая	22
Глава вторая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Тилар Маццео
Дети Ирены.
Драматическая история
женщины, спасшей 2500
детей из варшавского гетто

Роберту Майлсу

Зрелость венчает всё

Tilar J. Mazzeo

IRENA'S CHILDREN

The Extraordinary Story of the Woman Who Saved
2,500 Children from the Warsaw Ghetto

Copyright © 2016 by Trifecta Creative Holdings, Inc.

Фотография на переплете: Bettmann / Gettyimages.ru.

© Шляпин Д.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Предисловие

Краков, 2009 год

Когда я впервые оказалась в Польше где-то в 2009 году, сначала мне показалось, что это будет просто отпуск. Мои брат и невестка, работающие в государственном департаменте США, находились в Кракове уже несколько лет, а до того какое-то время жили во Вроцлаве. Они стали свидетелями интеграции Польши в Европейский союз и ее быстрой трансформации из посткоммунистического государства в современную, быстроразвивающуюся страну. Двое их маленьких детей – близняшки и уже не совсем малыши – учили свои первые слова на польском, а моя невестка была директором международной школы, расположенной за городом.

Хотя никто из нас троих, как мне кажется, никогда не испытывал особого интереса к религии, формально мы выросли католиками. Поскольку Краков, в отличие от Варшавы, практически не бомбили, он почти полностью уцелел к концу Второй мировой войны; его католическое наследие и сейчас заметно повсюду в архитектуре Старого города. Это город прекрасный и до сих пор в некоторой степени средневековый. Но не многие его районы обладают такой атмосферой, как исторический еврейский квартал в Казимеже, куда туристы совершают паломничество, чтобы увидеть фабрику

Оскара Шиндлера и петляющие улочки, где снимали эпизоды «*Списка Шиндлера*» Стивена Спилберга.

Если же вы хотите представить себе, как в 1940-е годы выглядело варшавское гетто, в Варшаву ехать смысла нет. От гетто там осталось немного. Весной 1943-го его разрушили, а чуть больше года спустя, во время Варшавского восстания, с лица земли была стерта остальная часть города и стоять осталось лишь процентов десять зданий. После войны Варшава, по сути, была отстроена заново. Это современный город.

В тот год, когда я здесь гостила, капитальный проект устройства школы находился уже в завершающей стадии своего воплощения, кампус был достроен и окружен оградой. Моя невестка занималась в основном, как она шутила, тем, что ругала на чем свет стоит местных рабочих, накопив богатый запас не слишком цензурных польских выражений. Выделенная под школу земля до того долгое время использовалась как сельскохозяйственные угодья. С одного ее края, сначала – среди полей, а позднее – меж рассеянных тут и там загородных домиков, сохранился небольшой лесок. Стоя однажды вместе с невесткой у края этой рощицы, я небрежно спросила, кто владел этим лесом и почему его десятилетиями никто не трогал. Помолчав, невестка вздохнула и ответила: «Знаешь, здесь, неподалеку проходили поезда в Освенцим. Не прямо тут, конечно, но в этом районе».

В лесу не было ничего особенного, парк как парк, и снача-

ла моя невестка, по ее словам, просто привыкла гулять здесь. Но первого ноября, в канун Дня всех святых, в Польше принято зажигать свечи на могилах. И в этот первый школьный праздник, глядя на усеянную зажженными свечами обочину дороги, окаймляющей лес, сестра поняла, что здесь когда-то происходили страшные события.

Позднее местные рассказали ей, что в 1945 году, в самом конце войны, Красная Армия преследовала отступающих немцев. Однако Польше приход советских войск особой радости не принес. Лишь немногие женщины в Кракове – от школьниц до самых древних *babcia* – избежали изнасилования. И очень немногие немцы, столкнувшиеся с советскими войсками, сумели вернуться через границу в Германию. По всей Польше были тысячи мест, подобных этому. В коммунистические времена никто не отваживался зажигать в лесу свечи, но теперь все изменилось. Еще живы старики и особенно старушки, которые обо всем помнили. «Такое здесь повсюду», – с грустью говорила мне невестка. «Вся Польша – одна огромная, безымянная могила, и что ты еще можешь сделать, кроме как тихо похоронить прошлое?»

Мы вернулись в школу, где по коридорам разносились веселые детские голоса. Я думала о случившихся здесь смертях; о рельсах, ведущих в Освенцим; историях об отнятых у матерей младенцах, чьи головы разбивали о кирпичные стены. Я подумала о моих маленьких племяннике и племяннице и о том, что убила бы всякого, кто сделал бы такое с мо-

ими детьми. Несколько дней спустя брат спросил меня, не хотела бы я увидеть Освенцим, но я отказалась.

Через несколько лет моя невестка стала одной из первых, кто рассказал мне историю «польского Шиндлера», Ирены Сендлер – или, на польском, где женские фамилии снабжены особыми окончаниями, Ирены Сендлеровой. Разделенные временем и пространством, эти две беседы тем не менее положили начало этой книге. Я никогда не могла отделить друг от друга нити, связывающие историю Ирены Сендлер, с заброшенной польской землей и веселыми голосами детей. Как писатель я даже перестала пытаться это сделать.

Сегодня в своей родной Польше Ирена Сендлер – настоящая героиня, хотя и с относительно недавнего времени. Ее история, как и многие подобные истории, оказалась в Польше похоронена на десятилетия. Вместе со своими друзьями и группой преданных соратников Ирена Сендлер пронесла детей из варшавского гетто в чемоданах и деревянных ящиках мимо немецкой охраны и предателей из еврейской полиции. Она выводила детей через грязную, наполненную опасностями городскую канализацию. Она работала вместе с еврейскими подростками – часто девочками четырнадцати-пятнадцати лет. Позже многие из них храбро сражались и погибли во время восстания в гетто. И через все это она пронесла любовь к мужчине-еврею, которому она и ее друзья всю войну помогали скрываться. Она была поистине неспящим человеком, хотя внешне казалась всем маленькой и

хрупкой. В самом начале войны ей не было и тридцати, но сражалась она с пылом и находчивостью опытного генерала, превратив множество обычных людей, прежде разделенных религией и национальностью, в преданных солдат.

До того как ее арестовало и подвергло пыткам гестапо, Ирене Сендлер удалось спасти жизнь более чем двум тысячам еврейских детей. Постоянно рискуя своей жизнью, она вела список их имен, чтобы после войны родители смогли их найти. Конечно, она не могла знать, что около девяноста процентов их семей погибнут, большинство – в газовых камерах Трешлинки. Она, разделяя социалистические и леворадикальные идеи, ставшие ее жизненными ценностями, также не могла представить, что после войны ее дети станут жертвами советского коммунистического режима из-за ее действий во время войны.

Но притом что Ирена Сендлер безусловно является героиней – женщиной немыслимого морального духа и невероятной смелости, – она не была святой. Сделать Ирену святой, рассказывая историю о ней, значит упростить ее противоречивую человеческую натуру. Всякий раз во время моих исследований и интервью в Израиле и особенно в Польше те, кто пережил войну в Варшаве, говорили мне одно и то же: «Я не люблю обсуждать то время с кем-то, кто не жил тогда, поскольку они не поймут, в каких условиях людям приходилось принимать решения и какую цену приходилось платить за них». Любовь Ирены к жизни была безудержной и

неуправляемой, и она всегда боролась с осознанием того, что была неважной женой и не самой лучшей дочерью. Она оставила свою больную, немощную мать в серьезной опасности, скрывая от нее риск, которому подвергала их обеих. Она была отчаянной, подчас близорукой, ставила абстрактное выше конкретного, будучи иногда невероятно эгоистичной в своем альтруизме. Когда пришло время, она стала такой же рассеянной матерью. Ирена Сендлер одновременно была героиней – хотя она ненавидела это слово – и обычным человеком со своими недостатками. Но также она была наделена столь мощным ощущением цели и собственной правоты, что могла убеждать на собственном примере тех, кто был вокруг нее, вместе делая нечто достойное и смелое, становиться лучше, чем они стали бы в иных обстоятельствах.

В процессе написания этой книги я была вдохновлена храбростью также и тех «других»: людей, мужчин и женщин, но в основном женщин, которые помогали Ирене. Она говорила, что на каждого спасенного ребенка в Варшаве приходится десять человек, рискующих ради него своей жизнью. Без смелости и самопожертвования тех, кто присоединился к ней, успех был бы невозможен. Но участь помогавших ей в случае раскрытия была незавидной. Наказание уличенным в помощи евреям начиналось с того, что на их глазах казнили всю семью, начиная с их детей. Вряд ли нужно описывать всякому, кто любит детей, страдания от осознания хрупкости их жизни, а у подавляющего большинства тех, кто помо-

гал Ирене, были маленькие дети. Хотя ни один из них – а их было множество – ни разу не уклонился от помощи Ирене в ее миссии. Никто, однажды заметила Ирена, не отказался принять к себе еврейского ребенка.

Это история Ирены Сендлер, детей, которых она спасла, и тех, отважных «других», кто помогал ей в этом. Также это сложная, подчас мрачная, но захватывающая история польского народа. Если вам покажется, что в начале этой книги слишком много имен, учтите, что я рассказываю лишь о малой части тех, кто помогал Ирене. Но с каждой главой имен, к сожалению, будет оставаться все меньше. Я рассказываю здесь их историю, чтобы отдать небольшую дань уважения каждому. Их жизнь, а иногда и смерть показывают, на что способны мы, обычные люди, перед лицом зла и насилия.

Пролог

Варшава, 21 октября 1943 года

Аллея Шуха. Ирена знала, куда они едут. Дверь захлопнулась, и черный тюремный автомобиль заурчал, готовый тронуться. На то, чтобы одеться, ей дали всего пару минут, и ее светлые, подстриженные «бобом» волосы были взлохмачены от подушки.

Янка Грабовская, выбежав из дома в последний момент, не обращая внимания на исходящую от солдат опасность, успела пихнуть ей туфли. Однако Ирена даже не подумала их зашнуровать. Она была сосредоточена на одной мысли: нужно оставаться спокойной. Никаких печальных лиц. Так наставляли еврейские матери своих детей, отдавая их на попечение незнакомцев. Ирена хоть и не была еврейкой, но отлично знала, что наставления эти были верны.

Они не должны думать, что у меня есть хоть какая-то причина бояться. Они не должны подумать, что я боюсь. Ирена безмолвно твердила это про себя. Если они заподозрят, что она чего-то боится, что-то скрывает, это сделает грядущее испытание еще более тяжелым.

Но Ирена *и вправду* боялась. Очень боялась. Осенью 1943 года в оккупированной Польше не было слов страшнее, чем «аллея Шуха». Быть может, во всей Европе военного време-

ни не было слов страшнее. Здесь находилась штаб-квартира варшавского гестапо. Своим грубым и мрачным обликом это серое приземистое здание, казалось, идеально отражало то, что происходило в его стенах. Длинные коридоры словно навечно впитали в себя эхо криков сотен людей, которых допрашивали здесь. Те, кто выжил, вспоминали впоследствии затхлый запах мочи и страха. Дважды в день, сразу перед полуднем и ближе к вечеру, с пунктуальностью прибывали из тюрьмы Павяк черные грузовики, чтобы забрать в ее камеры избитые и израненные тела¹.

Ирена подумала, что сейчас, наверное, начало седьмого. Может быть, шесть тридцать. Скоро над Варшавой взойдет октябрьское солнце. Но Ирена бодрствовала уже несколько часов. Как и все здесь. Янка, ее доверенная связная и дорогая подруга, присоединилась к семейному празднованию именин Ирены. После торта ее мать, хрупкая, больная женщина, и тетя отправились спать. Янка уже пропустила комендантский час и потому осталась на ночь. Молодые женщины устроились в гостиной, коротая время за чаем с ликером. После полуночи девушек наконец одолел сон, и к трем часам они уже крепко спали на импровизированных кушетках в гостиной. Но в задней комнате мать Ирены, Янина, не спала. Она была так счастлива, слыша беззаботное воркование девичьих голосов! По нервным складкам у рта дочери Янина догадывалась, что та занимается чем-то опасным, и очень за нее волновалась. Боль мешала заснуть, и Янина хо-

тела позволить мыслям унести ее вдаль. Но вдруг в темноте она услышала звук, которого здесь не должно было быть. Где-то на лестнице гулким эхом отдавался топот тяжелых сапог. *Ирена! Ирена!* Шепот матери проник в сон Ирены, и она проснулась. По тону она сразу поняла, что происходит. Эти несколько мгновений, нужные, чтобы прийти в себя, были границей между жизнью и смертью.

Затем она услышала, как стучат в дверь кулаки агентов гестапо. Страх отдавался во рту Ирены странным металлическим привкусом, и внутри словно пробежал электрический разряд. Несколько часов немцы оскорбляли их, потрошили подушки, отдирали углы и крушили кухонные шкафы. Ломали мебель и вскрывали полы².

Но так и не нашли списки детей.

Списки сейчас были единственным, что имело значение. Тонкие листки папиросной бумаги, чуть толще оберточной, часть личного архива Ирены. На них изобретенным ею шифром были записаны сотни имен еврейских детей, которых она с друзьями спасла от нацистских преследований, – детей, которые все еще скрывались в убежищах по всей Варшаве и за ее пределами. В последний момент перед тем, как дверь распахнулась, уступая кулакам и дубинкам, Ирена успела сунуть листы Янке, чтобы та с отчаянной храбростью спрятала их под мышкой, в своем необъятном бюстгальтере. Если они пришли сюда за Янкой, Господь свидетель, всему конец. Будет еще хуже, если они обыщут квартиру Янки, где скрывает

лось несколько евреев. Ирена не могла поверить своим глазам, но нацисты сами скрыли от себя самую опасную улику: маленькая сумочка с поддельными документами и нелегальными деньгами оказалась завалена обломками мебели. В этот момент ей хотелось упасть на колени. Когда она поняла, что гестапо не собирается трогать ни Янку, ни ее мать, ей захотелось петь и смеяться. Но Ирена понимала, что поднимающийся внутри приступ смеха был не чем иным, как истерией. *Одевайся*, приказала она себе. *Быстро одевайся и уходи отсюда*. Она надела поношенную юбку, которую несколько часов назад перебросила через спинку стула на кухне, как могла быстро, застегнула пуговицы пиджака, стремясь ускорить уход, пока агенты не передумали, и вышла из дома в холодное осеннее утро. Босиком. Она бы даже и не заметила, что вышла без обуви, если бы не выбежавшая в последний момент Янка.

Сейчас, пока машину покачивало на поворотах, у нее было время подумать над собственной дилеммой. Рано или поздно ее убьют, это несомненно. Ирена это уже поняла. Так закончится ее история. Люди не возвращались с аллеи Шу-ха или из Павяка, куда их бросали в перерывах между жестокими допросами. Они не возвращались из лагерей вроде Равенсбрюка или Освенцима, куда депортировали невиновных, выживших в Павяке. А Ирена Сендлер не была невиновна.

Тюремный автомобиль резко взял вправо, когда они на-

правились к юго-востоку через спокойно спящий город. Самый короткий путь пролегал через широкие довоенные варшавские проспекты, огибающие сначала на западе, а затем на востоке то пепелище, что когда-то было еврейским гетто. В первые годы нацистской оккупации Ирена иногда по три-четыре раза в день входила и выходила оттуда, пытаясь помочь своим старым школьным друзьям, профессорам... и тысячам детей. Сейчас, в конце 1943 года, от него остались лишь руины и горы обожженного кирпича. Это было место убийства и бесконечное кладбище. Гетто сровняли с землей при подавлении весеннего восстания, и в том аду исчезла ее подруга, Ала Голуб-Гринберг. В подполье ходили слухи, что она все еще жива и сейчас находится в трудовом лагере в Понятове, планируя вместе с группой заговорщиков побег. Ирена надеялась, что после окончания этой варварской войны Ала вернется за своей дочерью Рами и заберет девочку из приюта, куда ее устроила Ирена.

Повернув на север, тюремная машина миновала несколько корпусов того, что когда-то было Свободным польским университетом. Еще одна из потерь войны. Ирена получила образование социального работника в Варшавском университете, но в 1930-х годах она часто бывала в кампусе Свободного университета, и именно здесь сформировалась, благодаря Хелене Радлинской, ее ячейка Сопротивления. Почти все ее участники накануне оккупации были «девочками доктора Радлинской», а ныне превратились в хорошо орга-

низованную и дерзкую сеть, на что их вдохновила в том числе и профессор. Эта сеть стала объектом пристального внимания тех, кто вез ее сейчас на допрос. Ирене едва перевалило за тридцать, так что ее невинный девичий облик был обманчив. Гестапо схватило одну из самых крупных фигур польского подполья, и Ирене оставалось лишь надеяться, что немцы этого еще не знают.

Втиснувшись на сиденье рядом с ней, солдат в высоких сапогах со скрученной плетью на бедре и дубинкой клевал носом. Его ночная смена была окончена. Ирена сидела на коленях еще одного новобранца, которому на вид было лет восемнадцать-девятнадцать. Оба они, похоже, дремали. Внешне Ирена оставалась спокойной, но ее ум лихорадочно просчитывал варианты. Так много нужно было учесть, а времени оставалось так мало.

Янка отлично знала, как важны были списки – и как опасны. Если их найдут, это запустит маховик преследований. Гестапо станет охотиться за еврейскими детьми, убьет всех поляков, мужчин и женщин, согласившихся спрятать их у себя. Зофью и Станислава. Владиславу и Изабелу. Марию Палестер. Марию Кукульскую. Ягу. Они убьют даже мать Ирены, хотя почти прикованная к постели больная женщина даже не представляет масштабов подпольной деятельности своей дочери. В таких случаях немцы строго следовали правилу коллективной ответственности. Целые семьи расстреливали за преступление одного. Ирена в очередной раз

почувствовала, какой она была плохой дочерью. Она всегда больше походила на своего порывистого отца-идеалиста.

Если же списки затеряются или Янка уничтожит их из предосторожности, тут возникнет еще одна проблема. Когда Ирена умрет, восстановить их будет некому. Она была генералом своей армии, и только она знала все детали. Она обещала отцам и матерям, которых отправляли в Трешлинку, передать их детям, что они любили их. Когда она умрет, некому будет сдержать это обещание.

Был еще один мучивший ее вопрос: кто расскажет Адаму? *Адам. Ее Адам.* Бывший муж Ирены Митек Сендлер находился где-то в Германии, в лагере для военнопленных, и, возможно, пройдут недели или даже месяцы, прежде чем до него дойдет весть о ее казни. Если, конечно, он еще жив. Но с Митеком они расстались еще до войны, и она давно уже любила Адама, который сейчас под другим именем скрывался у друзей. Один из немногих выживших в Варшаве евреев, Адам был в постоянной опасности.

Рокот машины гестапо далеко разносился по тихим утренним улицам Варшавы. С каждым поворотом солдаты немногo взбадривались. Ирене нужно было подготовиться к тому, что случится дальше. К тому, чтобы не сказать ни слова, и не важно, сколь жестокими будут пытки. От ее молчания зависела участь тысяч жизней, и она не раз рисковала своей, спасая детей, чьих имен иногда даже не знала. Сейчас она была настроена более решительно, чем когда-либо, унести,

если потребуется, все тайны с собой в могилу. Но что, если она окажется не такой сильной? Что, если боль будет невыносимой и она предаст Адама? Она думала о том, сколько сможет вытерпеть. Когда спустя несколько дней ей сломают ногу дубинками и металлическими трубами, эта мысль станет преследовать ее неотступно.

Утро было прохладным, но Ирена дрожала не только от холода. Машина теперь повернула к востоку и покатила вдоль широкого проспекта, набирая скорость на последнем отрезке пути. Скоро они будут у проспекта Шура и ее последнего пункта назначения. Там ее разденут, обыщут, будут избивать, вновь и вновь тащить на допросы. Угрожать и запугивать. Сечь плетью, пытаться так, как сейчас она еще и представить не может. Впереди ее ждали вещи пострашнее самого лютого холода. На мгновение Ирена сунула руки в карманы пиджака, чтобы хоть немного согреть их.

Ее сердце замерло, едва пальцы коснулись чего-то тонкого и шуршащего. Папиросная бумага. Ирена внезапно вспомнила, что забыла вчера выложить из кармана часть списка. На нем был адрес одного из убежищ. В этот момент она сжимала меж своих замерзших пальцев чью-то жизнь.

Глава первая

Становление Ирены Сендлер

Отвоцк, 1910–1932 годы

В народных сказках на идише история Польши берет свое начало в тихих летних предзакатных сумерках. Когда у края неба лес уже начинал темнеть³, усталая семья сложила свои нехитрые пожитки на зеленой обочине у длинной дороги и задумалась: *Долго ли еще нам странствовать, прежде чем мы обретем наконец родной дом?* Они ждали знака, о котором их предупреждали предки, но меньше всего надеялись на него этим вечером. Ноги их гудели от усталости, кто-то, скорбящий и полный тоски по дому, неслышно рыдал.

Затем в тишине леса невидимая птица пропела две невыразимой красоты ноты. Это был тот самый знак, которого так ждала вся семья. Птица прощебетала *Po lin, Po lin*. На их языке это значило: «*Живите здесь*». Здесь, в месте, которое отныне и навеки нарекут Польшей.

Где же та деревенька в самом сердце Польши? Никто не знает. Но это вполне могло быть местечко, похожее на Отвоцк, маленький городок у берега реки на краю огромного соснового леса, в пятнадцати милях к юго-востоку от Варшавы. К XIX веку, когда были записаны слова этой старинной

легенды, Отвоцк уже был прибежищем почтенной хасидской общины.

К концу XIX века свой дом в Отвоцке обрели не только хасиды. На самом деле к 1890-м годам Отвоцк стал незаметно, но быстро набирать популярность. В 1893 году доктор Йозеф Мариан Гайслер построил здесь санаторий и клинику для лечения туберкулеза. Удобно расположенный на правом берегу Вислы, в окружении высоких сосен, Отвоцк со своим целебным воздухом стал известен по всей стране. Вскоре сельский пейзаж заполнился множеством деревянных домиков в альпийском стиле, с большими открытыми верандами и резными шпалерами вдоль карнизов. В деревню стало модным приезжать для поправки здоровья. Два года спустя некий Йозеф Пшигода открыл здесь первый санаторий, предназначенный специально для евреев (поскольку в то время евреи и поляки в основном жили обособленно). О нем также скоро узнали, и Отвоцк, долгое время бывший домом для крупной, но бедной еврейской общины, постепенно стал излюбленным местом летнего отдыха обеспеченных евреев со всей Центральной Польши, из Варшавы и городов поменьше⁴.

Ирена Станислава Кшижановская – именно так ее звали в девичестве – родилась не здесь, но позднее Отвоцк сыграет в ее истории важную роль⁵. На свет она появилась 15 февраля 1910 года в католическом госпитале Святого Духа в Варша-

ве, где ее отец, Станислав Генрик Кшижановский, работал врачом и изучал инфекционные болезни. Ему и его молодой супруге Янине через многое пришлось пройти, прежде чем вернуться туда, где он родился. Мать Ирены, энергичная и симпатичная молодая женщина, не обладала какой-то определенной профессией и в основном вела хозяйство. Отец Ирены, ревностный политический активист, гордился тем, что был одним из первых членов Польской социалистической партии. В молодости ему пришлось заплатить за свои убеждения высокую цену.

Сегодня «радикальная» повестка Польской социалистической партии выглядит довольно скромно. Станислав Кшижановский верил в демократию, равные права для всех, в общедоступные медицинские услуги, восьмичасовой рабочий день и запрет вредной и устаревшей традиции использования детского труда. Но в конце XIX – начале XX века, особенно в странах с феодальным, имперским наследием, подобные политические устремления расценивались как возмутительные и бунтарские. Студента-медика Станислава за активное участие в студенческих забастовках и протестах с требованиями революционных перемен исключили сначала из Варшавского университета, а затем и Краковского. Он всегда настаивал на том, что если в окружающем мире что-то не так, то следует встать и заявить об этом. «Протяни руку утопающему» – таково было его кредо и одно из любимых выражений⁶.

Станиславу повезло, в Харькове дела пошли по-другому. Харьковский университет был подлинным очагом радикальной социалистической мысли, и именно его в конце концов окончил доктор Кшижановский. В Харькове, кроме того, образовался один из интеллектуальных и культурных еврейских центров Восточной Европы, так что отцу Ирены не пришлось наблюдать здесь агрессивного антисемитизма, процветавшего в то время в Польше. Люди были просто людьми. У семьи Кшижановских, как и у семьи матери Ирены, Гшибовских, были кое-какие корни на Украине. Для того чтобы стать хорошим поляком, не нужно было родиться в каком-то строго определенном месте; доктор Кшижановский так это видел.

После того как Станислав окончил университет и они с Яниной поженились, пара вернулась в Варшаву и так бы там и осталась, если бы, к несчастью, двухлетняя Ирена не подхватила в 1912 году коклюш. Доктор Кшижановский с болью смотрел на то, как тяжело дышит его кроха, как ее маленькие ребра с трудом поднимаются и опускаются. Он понимал, что, если ничего не предпринять, ребенок скоро умрет. Родители приняли решение увезти Ирену из грязного, перенаселенного города в деревню, где чистый сельский воздух помог бы ей побороть болезнь. Выбор, вполне очевидно, пал на Отвоцк. Здесь Станислав родился, здесь его сестра и шурина имели небольшое дело. К тому же Отвоцк славился своим здоровым климатом и был полон возможностей для энергич-

ного молодого врача. Семья переехала в тот же год. Доктор Кшижановский с помощью своего шурина Яна Карбовского, имевшего здесь недвижимость, открыл в Отвоцке частную медицинскую практику, специализируясь на лечении туберкулеза, и стал ждать первых пациентов⁷.

Богатые соседи и известные люди к нему на прием не спешили, зато от крестьян и скудного достатка евреев отбоя не было. В то время многие польские врачи лечить бедных евреев вообще отказывались, да те зачастую и не могли себе этого позволить. Доктор Кшижановский был другим. Он хотел быть другим. Он хотел заботиться обо всех. Он был приветлив с каждым, встречая любого пациента веселой улыбкой и не заботясь о деньгах⁸. Поскольку евреи составляли почти половину местного населения, работы ему хватало⁹. Вскоре весь Отвоцк наперебой заговорил, какой доктор Кшижановский хороший человек, и множество евреев, богатых и бедных, потянулось, чтобы увидеть его за работой.

Несмотря на то что доктор Кшижановский был прежде всего врачом, жившим за счет своей практики, а многие из его пациентов были людьми небогатыми – ведь бедных, нуждающихся в помощи щедрого человека, всегда будет больше, чем обеспеченных, – он никогда не жаловался на судьбу.

Его дом был открыт для всех, Янина тоже была приветливой и общительной женщиной. Они были рады, когда их ма-

ленькая дочь завела немало друзей среди еврейских детей. К моменту, когда ей исполнилось шесть лет, Ирена уже всю лопотала на идише и точно знала, какие овраги за санаторием лучше всего подходят для игры в прятки и от каких стен лучше всего отскакивает мяч. Она привыкла к диковинному облику еврейских матерей в их ярких платках и знала, что аромат свежего хлеба с тмином означает, если детям пове-зет, что будет нечто очень-очень вкусное¹⁰. «Я росла рядом с этими людьми, – вспоминала Ирена, – их традиции и культура несколько не были мне чужды»¹¹.

Когда Ирене исполнилось лет пять или шесть, она встретила еврейского мальчика, которого звали Адам Цельникер. Сейчас никто уже и не скажет, какой была их первая встреча. Она случилась так давно, что даже если кто что-то и вспомнит, то скорее выдаст желаемое за действительное. Быть может, Адам был мечтательным, с головой погруженным в книги. Определенно можно сказать, что и в дальнейшем он остался таким же. У него были курчавые рыже-вато-русые волосы и смуглая кожа, а выдающийся, по-своему элегантный нос был именно той формы, благодаря которой безошибочно узнают еврея. Скорее всего, Адам стал одним из первых товарищей Ирены по играм, хотя, в отличие от многих соседей, его семья была очень богата и прекрасно говорила по-польски. Мать Адама звали Леокадией, у него было множество тетушек, дядь и кузенов с именами вроде Якоб и Йозеф. Семья Адама не жила в Отвоцке круглый год.

Цельникеры владели недвижимостью и разным мелким бизнесом по всей Варшаве, а с Иреной Адам виделся лишь иногда, когда наступало беззаботное лето.

Самые ранние воспоминания Ирены о проведенном в Отвоцке детстве были волшебными, и отец тогда в ней души не чаял. У отца были смешные усы с приподнятыми на манер велосипедного руля кончиками, и когда он улыбался, они изгибались еще выше. Он не жалел для единственной дочери ласки, любви и внимания. Тетки звали его Стасиу, и когда он особенно крепко обнимал и целовал Ирену, они повторяли ему: «Не испорти ее, Стасиу. Кто из нее тогда вырастет?»¹². А тот знай подмигивал, обнимал дочурку еще крепче и отвечал: «Мы не знаем, как сложится ее судьба. Может быть, мои объятия будут лучшим из ее воспоминаний». И оказался прав.

Ирена знала, что другим детям повезло меньше и они жили не в просторном деревянном доме у богатого дядюшки. Дом и правда был большим, квадратной формы, под номером 21 по улице Костюшко, с двадцатью комнатами и стеклянным, сверкавшим на солнце солярием¹³. Так как многие пациенты доктора Кшижановского происходили из самых низов, Ирена во время его обходов или когда люди сами приходили в клинику, широко раскрытыми глазами ребенка видела без прикрас бедность и тяготы чужой жизни. Более того, общаясь с другими людьми из деревни, она постепенно начала понимать, что не все поляки были такими, как ее

отец. В Отвоцке Ирена познакомилась с еврейской культурой. Со временем ей было суждено разделить с евреями не только их культуру, но и их беды¹⁴.

В 1916 году, когда Ирене было шесть лет, в Отвоцке вспыхнула эпидемия брюшного тифа, и как говорил доктор Кшижановский, он не мог отказать в помощи только потому, что оказывать ее было опасно. Богатые соседи предпочитали держаться подальше от мест многолюдных, лишенных элементарной гигиены, где всюду свирепствовала инфекция. Особенно страдали в домах, где не хватало чистой питьевой воды и мыла, их обитатели для болезни были особенно уязвимы, она развивалась быстро, протекала тяжело, унося одного за другим прежних друзей Ирены из бедных семей. Но невзирая на все это, Станислав Кшижановский продолжал исполнять свой долг и заботиться о каждом больном.

Поздней осенью или в начале зимы 1916–1917 годов доктор однажды ощутил озноб и дрожь – верные признаки подступающей лихорадки. Вскоре Станислав уже днями напролет лежал в горячке, шепча в бреду что-то бессвязное. Вокруг него постоянно суетились тетушки. Девочке строго-настрого запретили подходить к комнате с больным, и она не могла видеть отца. Все вокруг нужно было дезинфицировать. Ирена вместе с матерью должна была остаться у родственников. Пока отец не поправится, не могло быть больше никаких объятий и поцелуев, грозивших испортить Ирену. Риск заразить ребенка был слишком велик.

Несколько недель доктор один на один боролся с болезнью, но прийти в себя ему было не суждено. 10 февраля 1917 года Станислав Кшижановский умер от лихорадки. Через пять дней Ирене исполнилось семь лет.

После похорон мать Ирены старалась следить за собой и плакать как можно реже. Но иногда до Ирены все же доносился ее плач, а еще обеспокоенный шепот тетушек, когда те были уверены, что девочка их не слышит. «Станем ли мы теперь так же бедны, как папины пациенты?» – думала про себя Ирена. Именно такое и происходит, когда становишься сиротой. Ирена вообразила, что папа ушел, бросил ее, потому что она была несносной, и после его смерти она изо всех сил старалась стать полезной, тихой и покорной, чтобы не лишиться еще и матери. Та была печальна, а это значило, что покинувший их отец больше не вернется. Но подчас так трудно было заставить себя сидеть спокойно, когда хотелось бегать, уноситься в поля с толпой детворы, с веселыми криками и прыжками. Ирена чувствовала, как сердце ее сжимает плотный узел страха, а на слабые плечи ложится тяжкий груз.

После смерти доктора его вдова действительно лишилась многого. Да, они жили в доме, которым владела их семья, но больших сбережений Станислав не оставил. Янина, молодая и энергичная женщина, прежде всего была домохозяйкой, а не врачом, и ей стоило большого труда содержать клинику, одновременно заботясь о маленькой дочери. Особой

прибыли клиника, надо сказать, никогда не приносила, потому что Станислав о цифрах не заботился. Его сложно было назвать прагматичным человеком, скорее он был импульсивным идеалистом. Поэтому теперь для его близких наступило тяжелое время. Без посторонней помощи Янина не смогла бы оплачивать обучение Ирены, и весть о тяжелом положении вдовы облетела Отвоцк, заставив еврейскую общину задуматься. Доктор Кшижановский помогал их детям, когда они не могли позволить себе услуги врача. Теперь настала их очередь помочь его вдове и дочери.

Когда мужчины пришли увидеться с матерью, Ирена тихонько отошла в сторону. Длинная борода рабби подпрыгивала, пока он говорил. Он носил маленькие очки в проволочной оправе, из-за чего его глаза казались огромными. Ирена гораздо уютнее чувствовала себя вместе с еврейскими матерями, с их длинными, заплетенными в темные косы волосами и руками, порхающими словно птицы, когда они болтали между собой, приглядывая за играющими детьми¹⁵. *Пани Кшижановская*, – сказали мужчины, – *мы заплатим за обучение вашей дочери*. Мать вытерла глаза. *Нет, нет*, – твердо ответила она. – *Благодарю вас, но я еще молода и смогу сама вырастить дочь*. Янина была горда, упряма и независима, и Ирена обрадовалась, что мама по-прежнему будет заботиться о ней.

Однако результатом этого упрямства стала бесконечная борьба за выживание. Содержать клинику становилось все

труднее. Дядя Ирены Ян, владевший помещением больницы и семейным домом, долго молчал, но в 1920 году наконец сказал: *Хватит*. Настало время продать и закрыть клинику. Дядя Ян и тетя Мария были людьми не бедными, но Янина меньше всего хотела зависеть от чужой щедрости¹⁶. Не желая быть обузой, она сама пошла бы работать и вдобавок шить, жить скромно и экономно, не прося об одолжении даже родную семью. Поэтому Янина, вскинув голову, ответила брату: *Не волнуйся за нас, мы справимся*. В городе им будет хорошо. Они поедут к семье Янины, в Петркув-Трыбунальский, неподалеку от Варшавы.

Жизнь в Петркуве была иной. Не было больше шелеста вековых сосен, деревянных домиков Отвоцка и прежних друзей по играм. Ирена очень скучала по деревне. «В мыслях я постоянно возвращалась назад, в те места [у Отвоцка]», – вспоминала она позднее¹⁷. Отвоцк был ее идиллией, частью прекрасного польского лета. Был детством Ирены.

И это детство подошло к концу. Когда пришли рабочие, чтобы унести на плечах чемоданы с аккуратно упакованными лучшей посудой и постельным бельем, Ирена гадала, поместится ли все это в их новую городскую квартиру. Петркув, расположенный на главной железнодорожной ветке, протянувшейся от Варшавы до Вены, был шумным торговым городом с пятьюдесятью тысячами жителей. И наполняли его другие звуки, непохожие на шорохи тихой сельской ночи и убаюкивающий шум леса. Здесь грохотали трамваи,

кричали, расхваливая свой товар, уличные торговцы. Голоса здесь тоже звучали. Чаще всего это были возбужденные, страстные споры о политике и свободе Польши.

Веками Польша боролась за независимость со своими агрессивными соседями – Германией на западе и Россией на востоке. В тот год, когда Ирена с матерью переехали в Петркув, конфликт с Россией дошел до критической точки, и город представлял собой бурлящий политический котел, средоточие патриотических и левых идей. Если в революционной истории Польши и можно найти свое «чаепитие», то Петркув однозначно был его «Бостоном»¹. Здесь расцвело глубокое чувство национальной гордости, и когда городские дети, среди которых была Ирена, присоединились к харцерам², они учились не беззаботным, веселым песням на привале, а постигали тактику вооруженной защиты родины от захватчиков, покушающихся на ее границы. В конце концов

¹ «Бостонское чаепитие» – акция протеста североамериканских колонистов 17 декабря 1773 г., устроенная в городе Бостон. Несогласные с политикой британской короны в отношении колоний, а в конкретном случае – с невыгодными низкими пошлинами на ввозимый чай, колонисты уничтожили груз доставленного в порт чая, сбросив его в море. События в Бостоне стали началом политического кризиса в отношениях колоний и метрополии и традиционно считаются прологом к Американской революции и Войне североамериканских штатов за независимость (1775–1783).

² Харцеры, Союз польских харцеров, в межвоенной Польше – аналог скаутской организации. Во время немецкой оккупации харцеры приняли активное участие в движении Сопrotивления, а также непосредственно в боях во время Варшавского восстания в 1944 г.

именно тем летом под Варшавой поляки отбили наступление Красной Армии, в возможность чего многие поначалу не верили. Если война начнется вновь, харцеры, несомненно, станут самой маленькой армией страны. Ирена с гордостью выучила наизусть слова харцерской клятвы. Она будет бережливой и щедрой. Она будет столь же надежной и достойной, как легендарный рыцарь Завиша Черный³. Рассказы о том, как в стародавние времена храбрый Завиша без устали сражался за Польшу, дети слушали, затаив дыхание. Но больше всего юное сердце Ирены наполнялось решимостью, когда она обещала именем харцера быть другом всякому, кто попросит об этом.

Ирена и Янина въехали в небольшую квартирку на аллее Майя, в дом, отмеченный сейчас памятной табличкой. К тому времени Ирене исполнилось десять лет. Квартира была тесноватой и не слишком опрятной, но вскоре от друзей и гостей здесь не было отбоя. В самом деле, овдовев до тридцати, Янина была еще молода и оставалась в душе свободной, не чуждой некоторой богемности. Она любила театр и веселые вечеринки, да и сама не чуралась мелодраматично-

³ Завиша Черный из Гарбова герба Сулима (ок. 1379–1428) – прославленный польский рыцарь, участник Грюнвальдской битвы (1410), выполнял также дипломатические поручения польского короля Владислава II. Позднее состоял на службе германского императора и венгерского короля Сигизмунда I Люксембурга, отважно сражался с турками, в то время активно наступавшими на христианскую Европу. В Польше его образ стал символом рыцарства и благородства, был воплощен в литературе и искусстве.

сти, но прежде всего была нежной и заботливой польской мамой. В Петркуве здания на площади Старого города, куда Янина с Иреной по выходным отправлялись на рынок, были весело раскрашены розовым, зеленым и желтым. Теплыми весенними днями харцеры уходили в сторону реки на тренировки и пикники. Девочки с гордостью демонстрировали умение оказывать первую помощь и учились маршировать в ногу не хуже мальчиков. Ирена в своей свежей, отглаженной униформе с королевской лилией – международным символом скаутов – выглядела очень мило. Когда пришло время поступать в местную среднюю школу имени Хелены Тщциньской, Ирена, как и все, принесла клятву «быть безупречной в мыслях, словах и делах; не курить и не употреблять алкоголь»¹⁸.

У энергичной и веселой Ирены вскоре появился возлюбленный – случился первый школьный роман. Звали его Мечислав «Митек» Сендлер¹⁹. В довоенной католической Польше стыдливый подростковый поцелуй немедленно побуждал чистосердечных юнцов к мучительному признанию, и к концу школы ухаживания приняли уже серьезный характер. Следующим неизбежным шагом стала помолвка, а брак с согласия родителей решили заключить сразу после окончания школы. Когда Ирена и Митек осенью 1927 года получили места в Варшавском университете, Янина нашла для себя с дочерью маленькую квартиру в столице, чтобы Ирена, посещая занятия, могла жить дома. Будущее, казалось, было

безоблачным.

Вскоре, однако, тихий внутренний голос стал убеждать Ирену в том, что вовсе не такого будущего она желает. Сначала она пыталась заглушить этот голос. Учеба в университете была новым, волнующим опытом. Митек задумал посвятить себя классической филологии, а Ирена заявила, что собирается учиться на адвоката. Это был смелый выбор для семнадцатилетней девушки, больше отличавшейся острым умом, чем тихой прилежностью и усердием. Да и консервативное руководство факультета тоже не считало адвокатуру сколько-нибудь уместной для женщины. Как Ирена ни пыталась отстоять свое решение, профессора были против. Ирена злилась, но в конце концов, смирившись, поменяла выбор программы и остановилась на польских культурологических исследованиях, решив стать школьной учительницей. Все вокруг сошлись во мнении, что это гораздо более пристойное занятие для хорошо воспитанной молодой полячки.

Скорее всего, именно на юридическом факультете в первый год учебы Ирена вновь встретила Адама Цельникера, чувствительного юношу с темными, ниспадающими на плечи волосами, склонностью к романтической поэзии и экстравагантным жестам. Было ли дело в том, что он напомнил ей галантного черноволосого Завишу? Кто знает. Но уже очень скоро Ирена оказалась в учебной группе, где могла чаще видеть Адама, и между ними пробежала искра. Они стали проводить все больше времени вместе. Их можно было видеть

сидящими рядышком под деревьями, растущими вдоль узких улочек кампуса, когда они предавались воспоминаниям об общем детстве. Еще чаще они обсуждали политику и искусство, говорили о законе и свободном будущем родной страны. Когда однажды руки их на мгновение случайно сплелись, Ирена почувствовала, как пылают ее щеки; естественно, из-за возбуждения теми идеями, которыми они делились друг с другом, отчего же еще? Эти беседы с Адамом опьяняли ее. По своим политическим взглядам Ирена склонялась к левому патриотизму отца, Адам был более радикален. Он был столь же живым и беспокойным, как и бурлящая вокруг них жизнь. Митек, напротив, погружался в прошлое, изучая мертвые языки. Он напоминал о той неловкой ранней влюбленности, о которой Ирена уже начинала жалеть. Адам хотел обсуждать мир вокруг них. Но одних разговоров ему было мало: он хотел изменить мир к лучшему.

Но связь их была невозможна. Даже если Ирену временами и раздражали нелепые ограничения первой помолвки, она любила Митека. Их жизни и семьи уже были тесно переплетены между собой. Адам, как ни посмотри, был лишним в этом кругу, и не стоило ломать отношения с хорошим парнем, каким был Митек, только потому, что на нее внезапно нахлынули чувства. Долг прежде всего. Кроме того, Адам тоже был помолвлен и прекрасно понимал ситуацию, в которой оказалась Ирена. Где-то около 1930 года, повинуясь желанию семьи, он женился на учившейся вместе с ни-

ми еврейке²⁰. Устроенная обеими семьями церемония была выдержана в ортодоксальном духе, а девушка, к слову, была одной из подруг Ирены.

Однако долгими бессонными ночами на узкой жесткой кровати материнской квартиры Ирену мучили размышления о будущем. Она, конечно, могла подождать и отложить свадьбу с Митеком. Но ради чего, если Адам уже обещан другой? Кроме того, брак с Митеком означал свободу. Прежде всего для ее матери. Неужели Ирена не обязана сделать для нее хотя бы это? Все то время, пока Янина будет поддерживать дочь, ей придется брать деньги у своей семьи, при этом всегда желая независимости. Ирена страстно хотела быть хорошей дочерью, она понимала, что, выйдя замуж за Митека, освободит мать от необходимости жить за чужой счет. Для других вариантов было уже слишком поздно. Поэтому в возрасте двадцати одного года, после окончания обучения в университете в 1931 году, Ирена Кшижановская сделала то, чего все от нее и ждали, став пани Иреной Сендлеровой. В английской языковой традиции ее фамилию обычно сокращают до Сендлер.

Поселившись в небольшой однокомнатной квартире в Варшаве, молодая пара начала строить совместную жизнь. Ирена всеми силами пыталась оживить обстановку, а заодно и свой угасающий душевный настрой при помощи украсивших их жилище ярких занавесок и упорной работы по дому, но это не помогало. Ирена и Митек не были счастливы. Ве-

черами между ними все чаще вспыхивали ссоры, у Ирены появлялось от мужа все больше секретов. К 1932 году Митек стал младшим ассистентом кафедры классической литературы, успешно продвигаясь по карьерному пути университетского преподавателя. Ирена же хотела продолжить обучение. В один прекрасный день она объявила мужу, что, прежде чем начать преподавать, ей нужно получить диплом в области социальной работы и педагогики. Митек, возможно, уже догадывался, что его мнение на этот счет супругу не слишком интересует. Он уже знал, что молодая жена была человеком крайне своенравным, но считал, что после рождения ребенка она изменится. Ирена будет проводить все время дома, разве нет? Но Ирена к тому не спешила. Для поступления она выбрала учебную программу социальной работы в университете Варшавы.

Почему именно социальная работа? Если бы Ирену об этом спросили, она вспомнила бы своего отца. Она так и не перестала тосковать по нему. «Мой отец, – объясняла Ирена, – был врачом-гуманистом, а мать всегда с теплотой относилась к людям и помогала ему в работе²¹. С самого раннего детства я поняла, что есть люди плохие и хорошие. Их раса, национальность или религия при этом не играют никакой роли – дело всегда в самом человеке. Это то, что привили мне еще ребенком». Не желая терять связь с отцом, Ирена пыталась стать хорошим человеком в его понимании.

Но кроме того, ей хотелось и приключений. В конце кон-

цов Ирене было всего двадцать два, а 1930-е годы были для Польши бурным, захватывающим десятилетием. Советы были отброшены от границы, и второй раз в своей истории Польша была свободной. Но внутри страна была политически разобщенной, она оказалась на грани социального взрыва. Относительно новая область – социальная работа – была очень востребована в связи со сложившейся ситуацией, учебный план программы подготовки социального работника был весьма разносторонним и активным. Обучающихся поощряли получать непосредственный, практический опыт в области своей будущей профессиональной деятельности, и Ирена одной из первых записалась на общественную стажировку, организуемую новаторским научным центром социальной и педагогической работы Свободного польского университета. О его директоре Ирена слышала удивительные вещи.

Варшавский университет с его прекрасно отделанным кампусом мог похвастаться красивой, даже дворцовой, архитектурой, обширными открытыми пространствами и считался элитным учебным заведением. Свободный польский университет выглядел совершенно иначе. Здесь профессора работали и преподавали в неприглядного вида шестиэтажном здании с маленькими грязными окнами, производившем впечатление запущенного общежития. Когда толпы студентов спешили из лекционных аудиторий в узкие коридоры и текли бесконечным живым потоком вверх и вниз по

лестницам, воздух наполнял запах разгоряченных тел. Снизу, с первого этажа, доносились дребезжание велосипедов и приветливые голоса девушек. Затем в коридорах вновь становилось тихо. Впервые попав сюда, Ирена крепко сжимала в руке листок бумаги и, вытянув шею, пыталась разобрать на дверях номера кабинетов. Она искала табличку с надписью *Professor H. Radlinska*.

Прежде чем прийти сюда, Ирена долго размышляла о выборе стажировки, взвешивая все за и против. Часть студентов в ее программе прошли стажировку в роли преподавателей школы-интерната, основанной коллегой доктора Радлинской, талантливым педагогом-теоретиком Янушем Корчаком. Другие, особенно девушки, учившиеся на медсестер, проводили совместно с врачами, работавшими с доктором Радлинской, исследования в сфере общественного здравоохранения. Сама доктор Радлинская была родом из семьи известных ученых, а одним из самых прославленных врачей программы считался ее кузен, доктор Людвик Хирцфельд. Ирену больше всего привлекали устроенные профессором больницы для неимущих, благотворительные центры, направленные на искоренение бедности. Местные безработные могли посещать здесь бесплатные образовательные курсы, а бездомные и нуждающиеся – обратиться сюда за юридической поддержкой.

Хотя сегодня это трудно представить, но в 1930-х годах вокруг центра доктора Радлинской зародилось одно из са-

мых потрясающих интеллектуальных и политических левых общественных движений Европы, и Ирону будоражила сама мысль, что она станет частью такого мощного течения. Надо сказать, что сама доктор Радлинская, коренастая, полная еврейка чуть за шестьдесят, давно перешедшая в католицизм, меньше всего походила на героиню. Из-за редящих седых волос и подобающей почтенной женщине необъятной груди она заслужила в кампусе прозвище Бабуля и всегда выглядела так, словно куда-то спешит и обо всех беспокоится. Она излучала яркий ум и решительность, и собиравшиеся вокруг нее молодые студенты – многие из них тоже евреи – находились в центре движения за права человека, во многом напоминающего аналогичные студенческие движения в Европе и Штатах 1960-х годов. Вместе с несколькими выдающимися психологами, педагогами и врачами доктор Радлинская стала в Польше пионером социальной работы. В большинстве западных демократий такие программы в конце столетия стали моделью современных социальных служб и государственной социальной поддержки. Мы не сможем понять, как Ирена Сендлер смогла объединиться с членами Сопротивления во время Второй мировой войны, не осознав, что доктор Радлинская уже превратила всех их в тесное сообщество задолго до начала немецкой оккупации.

Попав в орбиту влияния доктора, Ирена расцвела. Она, сама того не зная, нуждалась именно в таком интеллектуальном азарте и ощущении призвания. Профессор, со своей

стороны, быстро нашла подходящее место для старательной и увлеченной молодой женщины. Ирена так идеально подходила для социальной работы – организованная, уравновешенная, сострадательная, искренне возмущавшаяся несправедливостью, – что доктор Радлинская сразу предложила своей подопечной не просто стажировку, но постоянную оплачиваемую работу в отделении матери и ребенка Комитета социальной помощи, обеспечивающего поддержку городских матерей-одиночек²².

Просыпаясь по утрам, Ирена вскакивала с узкой кровати, которую делила с Митеком, и сердце ее пело в ожидании нового рабочего дня. Митек не мог ничего с этим поделать, но замечал, что покидала дом Ирена с большей радостью, чем возвращалась. В 1932 году они уже жили в современном доме под номером три по улице Людвики в варшавском районе Воля. Порой, увидев спускающуюся по лестнице Ирену, сосед открывал дверь и улыбался молодой женщине, которая всегда так спешит куда-то. Их соседи снизу, милая семья Янковских, у которых был маленький ребенок, тоже часто просыпались рано. Также внизу жил и домоправитель, пан Пшездецкий, с любовью ухаживавший за общим садиком во дворе и приветливо махавший рукой уходившей каждое утро на работу Ирене. Другая соседка, Бася Дитрих, заведовала общественным детским садом для проживающих в доме детей, и, наверное, Митек не раз задавался вопросом, будут ли и их дети тоже играть в этом дворике²³. Но он хо-

рошо понимал, что этого не случится, пока в их брак не вернется прежняя страсть, и то, что Ирена, едва проснувшись, каждое утро убегала на работу, являлось лишь частью проблемы. Хуже всего, по мнению Митека, было то, что работа стала единственным, что ее интересовало. То, что она делала, *было так важно*. Поэтому на домашние дела времени у нее не оставалось. Она помогала семьям, которые боролись за выживание и сохранение своих детей. Ирена хотела, чтобы Митек понял, почему ее работа так для нее необходима. А он всего лишь нуждался в том, чтобы она для разнообразия обратила внимание и на *свою* семью.

Пропасть между ними все росла, и огонь давно покинул этот юношеский брак. То, что было между ними теперь, напоминало неловкую старую дружбу. Это не значило, конечно, что Ирена вовсе не любила Митека, но от прежней влюбленности не осталось и следа. В центре матери и ребенка Ирена, напротив, ощущала себя на своем месте. «Каждый там был предан своей цели: все, чему научилась, я наконец смогла применить на практике», – объясняла Ирена²⁴. Она каждый день заводила все новых друзей среди других студентов и сотрудников доктора Радлиньской. «Обстановка на работе, – говорила она, – была удивительно приятной». Как были приятными и ее коллеги.

Особенно же приятным был один человек, которого она встречала там довольно часто, – Адам Цельникер.

Глава вторая

Девочки доктора Радлиньской

1935–1940 годы

Лекция закончилась, но профессор не спешил уходить.

Студенты в левой части аудитории тоже замерли, стояли, не шевелясь и затаив дыхание. Ирена была среди них. Осенью 1935 года ей исполнилось уже двадцать пять, но из-за роста чуть выше метра пятидесяти она была ниже всех вокруг. Но никто из тех, кто знал Ирену, не сомневался, что, несмотря на миниатюрность девушки, ее политические убеждения стоят немало.

Секунды тянулись медленно. Все в аудитории напряженно ждали. Внезапное движение справа и порыв воздуха, когда тело встретилось с телом, было похоже на коллективный выдох. Ирена видела всполох зеленой ленты, прикрепленной к пиджаку молодого человека. Наконечник его поднятой трости блеснул на свету²⁵. *Лезвие. У этих негодяев на концах трости лезвия, и сейчас они пустят их в ход!* Рядом вскрикнула девушка, за этим последовали неразбериха и звук ударяющих в кость медных кастетов. Опять завязалась рукопашная.

Но вот кулак и медь взметнулись перед Иреной. Рядом с

ней стоял сокурник, еврей, молодой человек в очках с темными вьющимися волосами. Один из тех, с зелеными лентами, взмахнул тростью и заорал на него: «Почему ты стоишь?» Тот спокойно ответил: «Потому что я еврей».

Развернувшись к Ирене, распоясавшийся хулиган закричал и на нее: «А ты, *ты* чего стоишь?» Ирена не двинулась с места. Друзья не раз волновались о том, насколько безрассудно бесстрашной она могла быть в иные моменты. Консервативные профессора сетовали на ее дерзкий, настойчивый идеализм, но Адаму нравилась эта черта характера Ирены. Смело ответив, она хотела еще больше разозлить стоящего перед ней молодого мерзавца. Их взгляды встретились. «Потому что я полячка!» – выкрикнула она²⁶. В ответ в лицо ей ударил одетый медью кулак. Ирена почувствовала во рту вкус теплой крови, затем ее накрыла тьма.

Причиной протестов в университете Варшавы в 1935 году стало объявление об учреждении «скамьи гетто»: специальной зоны для размещения в аудитории студентов-евреев отдельно от так называемых арийцев²⁷. Ультраправые набирали силу не только в соседней Германии: у Польши тоже были проблемы в этом плане. Насколько Ирена и Адам могли судить, крупнейшей из них была организация под названием ONR – Oboz Narodowo Radykalny, или «Национально-радикальный лагерь»: правая ультранационалистическая политическая группировка, чья тактика насилия и расистская риторика набирали силу и были направлены на пропа-

ганду отвратительного антисемитизма. Сторонники ONR с гордостью демонстрировали свою принадлежность к организации ношением зеленых лент.

Нельзя терпеть это издевательство! Ирена, Адам и все их друзья были в бешенстве, услышав о гетто. Еврейские студенты и их сторонники яростно протестовали, вообще отказываясь сидеть на лекциях. Одни профессора приказывали протестующим покинуть аудиторию. Другие поддерживали их и в знак солидарности читали лекции тоже стоя²⁸. Ирена так отзывалась о том периоде своей жизни: «Университетские годы были для меня тяжелым и печальным временем²⁹. В университете установили правило, согласно которому католики и евреи должны были сидеть отдельно – католики справа, евреи слева. Я всегда сидела вместе с евреями, и мне доставалось от антисемитов наравне с ними». Но важно было то, что рядом с ней всегда был Адам. Он был очарован смелостью этой женщины, и как позднее свидетельствовала семья Ирены, «их отношения продолжились, даже когда Ирена вышла замуж за другого человека».

В консервативном до мозга костей университете Варшавы большинство молчаливо согласилось с дискриминацией. Но в Свободном польском университете все было по-другому. Когда агрессивно настроенные сторонники ONR попытались и здесь напасть на еврейских студентов, весь кампус сплотился и прогнал их прочь, освистывая и поливая водой из пожарных шлангов. Доктор Радлинская и молодые жен-

щины из ее учебной программы – в том числе Ирена – тоже присоединялись к протестам и потасовкам. Это было весело. Дома же Митек горько переживал, волнуясь за безопасность Ирены. Беспокоило его и то, кем становилась его любимая – не боящейся риска бесстрашной активисткой.

Новые друзья Ирены из круга доктора Радлинской были талантливыми, яркими молодыми женщинами, в основном еврейками – но из-за левых взглядов религия не играла в их жизни никакой роли. Одной из тех, кого Ирена просто обожала, была Ала Голуб-Гринберг, медсестра из еврейской больницы на улице Дворской, на шесть лет старше Ирены, тесно работавшая вместе с доктором Хирцфельдом и изучавшая инфекционные болезни. Девичья фамилия Алы была Голуб, но вот уже несколько лет она счастливо была замужем за еврейским актером и директором школы по имени Арек. Друзья у супругов тоже были удивительные: певцы из кабаре, актрисы и прочие творческие личности. Доктор Корчак иногда приглашал Алу выступить на своих лекциях как признанного эксперта в области акушерства и санитарии. Ирену она очень вдохновляла, хотя и немного пугала. Ала, веселая и эксцентричная, человеком была резким и угловатым, с саркастичным чувством юмора и вдобавок с жутким вкусом. Ее одежда, очень походившая на мужскую, казалось, никогда не шла ей, а курчавые черные волосы были постоянно растрепаны.

Еще одна новая подруга Ирены, Ракель Розенталь, напро-

тив, была сногсшибательной красоткой. Эта очаровательная, стройная блондинка тоже училась по программе доктора Радлиньской и собиралась стать преподавателем. Мужчины останавливались на улице, чтобы заговорить с ней, частенько она отвечала им взаимностью, и все знали, что Рабель – натура искристая, легкая и общительная. Ирена была слегка пухловата и на свой лад тоже вполне мила, но мужчины на улице не оборачивались ей вслед, да и с чувством юмора, надо признать, у нее было плохо.

Третьим членом их круга была Ева Рехтман, лингвист, работавшая с еще одним профессором, которого все они прекрасно знали – веселым и разговорчивым доктором Владиславом Витвицким³⁰. Ева была умна, и все говорили, что она одна из самых талантливых ученых в аспирантуре Свободного польского университета. Человеком Ева была очень мягким. Волосы у нее были темные, волнистые, а тихий, с особым ритмом голос превращал все, что она говорила, в колыбельную.

После работы, а иногда и после лекции Ирена не спешила домой, отправляясь с подругами в кафе, чтобы выпить чашечку кофе или угоститься мороженым. Девушки следили за модой, носили высокие каблуки и яркие цветные платья, да и курить на публике новые подруги не стеснялись. Ирена к этому моменту порядком подзабыла харцерские клятвы, заодно избавившись от желания мчаться на исповедь всякий раз, когда мысли об Адаме заставляли ее сердце биться чаще.

Волосы она тогда укладывала в волнистый боб, который, перестав быть шокирующим, стал просто удобной и практичной прической. Она часто улыбалась, глаза у нее были яркие, и друзья запомнили их поразительно голубыми. Все, кроме нее, были родом из еврейских семей и всегда потешались, слыша, как Ирена говорит на идише.

Разумеется, они разговаривали и о политике. Вся их работа была сосредоточена вокруг идеи социальной справедливости. Свободный польский университет по-прежнему был местом, собиравшим вокруг себя радикальных активистов, и новые друзья Ирены были ревностными социалистами, как и ее отец. Периодически она будет встречать кого-то, чьи политические взгляды заходили еще дальше. «Я встречалась с несколькими нелегальными членами Коммунистической партии Польши сразу после того, как [они] вышли из тюрьмы», – признавалась Ирена³¹. Ей они показались «людьми умными и благородными».

Адам тоже заигрывал с коммунизмом, и, видимо, его секрет обаяния был отчасти и в этом. Когда, будучи единственным ребенком в исключительно богатой семье, он унаследовал в 1930-х годах большую часть состояния отца, овдовевшая мать Леокадия пришла в ужас от его планов. Он собирался – и прямо говорил ей об этом – отдать все деньги на благотворительность³². Леокадия плакала, умоляла, угрожала, но Адам стоял на своем. *Деньги должны уйти*, – говорил он. Всю свою жизнь он боролся с проклятием богатства и

нисколько не верил в наследственность. Как не верили и их с Иреной новые коммунистические друзья – Станислав Папузинский и его дерзкая подруга Зофья Ведрыховская. Станислав и Зофья жили вместе и уже имели маленького сына, но у них и планов не было оформить брак. Принадлежа к богеме, они считали брак устаревшим буржуазным институтом.

Ирена находила все это очаровательным. В конце концов, в том, что касалось левых взглядов, ее семейная биография была безупречной, и ее новые друзья знали это. Ее отец играл важную роль в создании Польской социалистической партии, и в Варшаве немало еще оставалось тех, кто помнил Станислава Кшижановского. И никто не говорил об отце Ирены чаще и с большей нежностью, чем Хелена Радлинская, знавшая его лично. Она и ее бывший муж Зигмунт в начале 1900-х годов были видными активистами, стоявшими у истоков партии. К тому же Зигмунт – хирург в госпитале при Варшавском университете – когда-то работал вместе со Станиславом. Ирена, никогда не перестававшая скучать по отцу, будто вернулась домой. Она и сама присоединилась к Польской социалистической партии, по ее словам, «продолжив политический курс отца». К несчастью для Митека, именно здесь Ирена нашла свою настоящую семью.

Она все больше отдалялась от своего шаткого брака, сближаясь с Адамом и новыми друзьями. Кроме того, она гораздо глубже, чем раньше, оказалась вовлечена в политику. А это значило *делать*, а не *болтать*. *Что она может сде-*

лать? Ирена обычно задавала себе именно этот вопрос. Она смотрела на свое студенческое удостоверение со штампом «арийка», и ее переполняло негодование.

В конце концов она выскоблила штампель и стала смело демонстрировать удостоверение в кампусе в знак молчаливого протеста. Когда об этом узнала администрация, было принято решение, что больше этой юной смутьянке в Варшавском университете не место. И Ирену на неопределенный срок отстранили от занятий. Пройдут годы, прежде чем ей позволят вернуться в аудиторию.

Наверное, можно простить Митеку ощущение облегчения, когда он узнал, что беспокойное и опасное пребывание его молодой жены в университете закончилось таким образом. Может быть, он уже подозревал, что ее сердце принадлежало Адаму. Может быть, слишком устал от ссор. Но, как оно обычно и бывает с рано завязавшимися и в итоге несчастливymi романами, скорее всего, он надеялся, что Ирена вернется к нему и вспомнит о своих чувствах. Когда пришло известие о том, что центр матери и ребенка закроют из-за прекращения бюджетного финансирования и что работа Ирены на этом завершилась, все выглядело как идеальный шанс для нее наконец остепениться и завести собственных детей, да и по возрасту было уже пора. Во всяком случае Митеку скоро предложили хорошую должность и постоянную работу преподавателя в университете города Познань в нескольких часах езды от Варшавы. Естественно, он пола-

гал, что Ирена поедет с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.